

Сергей Викторович ПОПОВ,

ORCID 0000-0002-1240-6046

Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Калининград)

преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности

органов внутренних дел Калининградского филиала

otdeltko270181@yandex.ru

Данияр Вулкайревич КАЙРГАЛИЕВ,

кандидат биологических наук, доцент

ООО «Экспертные технологии и сертификация продукции» (г. Саратов)

эксперт

danchem@mail.ru

Научная статья

УДК 343.233:343.102

ПРАВОМЕРНЫЙ ВРЕД ПРИ ОПЕРАТИВНОМ ВНЕДРЕНИИ: ОТ МЕЖОТРАСЛЕВОЙ КОЛЛИЗИИ К ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМУ РЕШЕНИЮ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Оперативно-разыскная деятельность, оперативное внедрение, уголовно-правовое обеспечение, причинение вреда, пределы правомерности, зарубежный опыт, совершенствование законодательства.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В ходе исследования, результаты которого представлены в статье, рассматривались уголовно-правовые и оперативно-разыскные аспекты оперативного внедрения – оперативно-разыскного мероприятия, в ходе которого его участники вынужденно причиняют вред охраняемым законом благам. Поскольку Уголовный кодекс Российской Федерации не предусматривает специального обстоятельства, исключающего преступность такого причинения вреда, имеет место правовая неопределенность и складывается порочная практика: либо внедренные лица необоснованно привлекаются к уголовной ответственности, либо их деяния выводятся из-под действия уголовного закона неформальными договоренностями. **Методы.** При проведении исследования применялись диалектический, формально-юридический, сравнительно-правовой методы и метод правового моделирования. **Результаты.** Установлено, что закрепленные в уголовном законе обстоятельства, исключающие преступность деяния, не охватывают специфики оперативного внедрения. Выявлены два вида пределов правомерного причинения вреда: абсолютные и относительные. Системное толкование норм уголовного и оперативно-разыскного законодательства способствовало обособлению правомерности вынужденного участия внедренного лица в криминальной деятельности при отсутствии у него преступного умысла. Предложено дополнить Уголовный кодекс Российской Федерации статьей, закрепляющей специальное обстоятельство, исключающее преступность деяния при проведении оперативно-разыскных мероприятий, а также скорректировать перечень смягчающих обстоятельств и правила назначения наказания для случаев превышения допустимых пределов правомерного причинения вреда.

ВВЕДЕНИЕ

Современная преступность характеризуется высокой степенью организованности, профессионализма и латентности. Преступные сообщества, террористические и экстремистские организации, транснациональные группы, специализирующиеся на незаконном обороте оружия, наркотиков и торговле людьми, тщательно конспирируют свои преступления, активно противодействуют правоохранительным органам, используя коррупционные связи и новейшие технические средства [1, с. 28; 2, с. 18]. В этих условиях традиционные методы выявления, пресечения и раскрытия преступлений часто оказываются недо-

статочно эффективными, а предупреждение особо опасных посягательств становится невозможно без применения негласных способов оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД) [3, с. 25]. Однако их использование объективно сопряжено с вторжением в охраняемые уголовным законом интересы и неизбежно влечет с собой причинение вреда, пусть и вынужденного, подчиненного публичным целям противодействия преступности [4, с. 45]. Это обуславливает необходимость обращения к такой фундаментальной категории, как вред, которая занимает системообразующее положение в понятийном аппарате уголовного права и теории ОРД.

Sergey V. POPOV,
ORCID 0000-0002-1240-6046
Saint Petersburg University of the Ministry
of the Interior of Russia (Kaliningrad, Russia)
Lecturer of the Department of Operational Investigative
Activities of Internal Affairs Bodies of the Kaliningrad Branch
otdeltko270181@yandex.ru

Daniyar V. KAIRGALIEV,
Cand. Sci. (Biology)
LLC «Expert technologies and product certification» (Saratov, Russia)
Expert
danchem@mail.ru

LEGITIMATE HARM DURING OPERATIONAL IMPLEMENTATION: FROM INTERSECTORAL CONFLICT TO LEGISLATIVE SOLUTION

KEYWORDS. Operational investigative activities, operational implementation, criminal law enforcement, causing harm, limits of legality, foreign experience, legislative improvement.

ANNOTATION. *Introduction.* The study, the results of which are presented in the article, examined the criminal law and operational-investigative aspects of operational infiltration – an operational-investigative measure during which its participants are forced to cause harm to assets protected by law. Since the Criminal Code of the Russian Federation does not provide for a special circumstance excluding the criminality of such harm, legal uncertainty arises and vicious practices develop: either infiltrators are unjustifiably prosecuted, or their actions are removed from the application of criminal law through informal agreements. *Methods.* The study employed dialectical, formal-legal, comparative-legal methods, and the method of legal modeling. *Results.* It was established that the circumstances enshrined in criminal law excluding the criminality of an act do not cover the specifics of operational infiltration. Two types of limits on the lawful infliction of harm are identified: absolute and relative. A systematic interpretation of criminal and investigative law has helped justify the legality of an undercover agent's forced participation in criminal activity in the absence of criminal intent. It has been proposed to supplement the Criminal Code of the Russian Federation with an article establishing a special circumstance precluding the criminality of an act during investigative operations, as well as to amend the list of mitigating circumstances and sentencing rules for cases where the permissible limits of lawful harm are exceeded.

С доктринальных позиций вред трактуется как «негативные изменения охраняемых законом благ, наступающие вследствие совершённого деяния» [5, с. 410]. С правовой точки зрения вред может быть как уголовно наказуемым, так и уголовно ненаказуемым. Последний представлен двумя разновидностями:

1) вред, не влекущий ответственности из-за отсутствия необходимых элементов состава преступления (например при малозначительности деяния, невменяемости виновного лица или недостижении им возраста уголовной ответственности);

2) вред правомерный, социально допустимый и находящийся вне сферы уголовной ответственности (например причиняемый при обстоятельствах, исключающих преступность деяния) [5, с. 412].

Вред, причиняемый при производстве оперативно-разыскных мероприятий (далее – ОРМ), относится ко второй разновидности. Этот вывод вытекает из положений Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД), который содержит нормы, допускающие причинение вреда охраняемым интересам, трех видов.

К первому относятся нормы, регламентирующие проведение санкционируемых судом ОРМ, сопряженных с неизбежным вторжением в сферу

конституционно охраняемых прав граждан (прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи и другие, перечисленные в п.п. 8-11 ч. 1 ст. 6).

Второй вид представлен декларативной нормой, закрепленной в ч. 4 ст. 16. Она провозглашает допустимость вынужденного причинения вреда и гарантирует защиту от преследования при соблюдении установленных условий. Данная норма по своей юридической природе является уголовно-правовой, однако помещена в законодательный акт иной отраслевой принадлежности. Это создает коллизию, поскольку Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) не предусматривает корреспондирующего обстоятельства, исключающего преступность деяния [6, с. 14]. Судебная практика¹ идет по пути прямого применения ч. 4 ст. 16, однако такой подход не носит системного характера и поэтому не может быть признан удовлетворительным.

Третий вид – нормы, регулирующие проведение ОРМ, когда вред носит не атрибутивный, а вероятностный характер и зависит от складывающейся оперативной обстановки (в первую очередь это относится к оперативному внедрению и оперативному эксперименту). Данные нормы порождают наибольшую правовую неопределенность, поскольку не содержат развернутых критериев

¹ См., например, кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 23.08.2011 № 48-О11-81.

допустимости вынужденного участия содействующего лица в криминальной деятельности.

Оперативное внедрение представляет собой «легендированное проникновение в криминальную среду штатного сотрудника либо конфидента для выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений». Находясь внутри преступной среды, «внедренное лицо неизбежно совершает действия, формально подпадающие под признаки преступлений (участие в приговлении к преступлению, пособничество, соисполнительство, вынужденное причинение вреда жизни, здоровью, собственности)» [4, с. 45]. Возникает межотраслевой конфликт: уголовный закон запрещает такие деяния и не содержит специальных положений, легализующих вынужденное причинение вреда в рамках ОРД, тогда как ч. 4 ст. 16 Закона об ОРД декларирует его допустимость, но она носит бланкетный характер и не подкреплена нормами УК РФ.

Серьезность проблемы отсутствия надлежащего правового регулирования причинения вреда при производстве ОРМ подтверждается результатами проведенного Г.С. Шкабиным опроса 436 сотрудников правоохранительных органов, следователей, прокуроров и судей. Лишь 9,8% респондентов признали возможным применение ч. 4 ст. 16 Закона об ОРД для квалификации действий внедренного лица. Подавляющее большинство (90,2%) убеждено, что «такие деяния должны оцениваться исключительно через главу 8 УК РФ (обстоятельства, исключающие преступность деяния)» [7, с. 128]. Однако ни необходимая оборона, ни крайняя необходимость, ни обоснованный риск, ни иные законные обстоятельства в полной мере не отвечают специфике такого ОРМ, как оперативное внедрение. Следствием правовой неопределенности стала порочная практика: либо внедренные лица необоснованно привлекаются к уголовной ответственности, либо их деяния искусственно выводятся из-под действия уголовного закона посредством неформальных договоренностей.

Отсутствие в нормативных правовых актах развернутых критериев допустимости вынужденного участия содействующего лица в криминальной деятельности не означает, что их нельзя вывести из системного толкования уголовного и оперативно-разыскного законодательства. Напротив, сопоставление задач УК РФ и целей Закона об ОРД, а также анализ понятийного аппарата обеих отраслей права позволяют обосновать правомерность такого участия и отсутствие у внедренного лица преступного умысла.

МЕТОДЫ

Методологическую основу исследования, результаты которого представлены в статье, составил диалектический метод познания социально-правовых явлений, позволивший рассматривать феномен уголовно-правового обеспечения оперативного внедрения в развитии и во взаимосвязи с явлениями, характерными для иных отраслей права, и потребностями правоприменительной практики.

В ходе работы использовался ряд общенаучных методов. Анализ и синтез оказались востребованы

при изучении нормативных правовых актов, теоретических источников и эмпирических данных. Индукция и дедукция были полезны для формулирования общих выводов на основе частных наблюдений и применения общих теоретических положений к конкретным ситуациям оперативного внедрения. Системный подход обеспечил возможность исследовать уголовное и оперативно-разыскное законодательство как элементы единой системы противодействия преступности.

Среди частнонаучных методов ведущую роль сыграл формально-юридический (догматический) метод, посредством которого осуществлялось толкование норм УК РФ, Закона об ОРД, иных федеральных законов и подзаконных актов, выявлялись пробелы и коллизии правового регулирования. Сравнительно-правовой метод был применен для анализа зарубежного опыта правовой регламентации причинения вреда при проведении ОРМ (на примерах таких стран, как Австралия, Канада, Франция, Германия, Италия, Беларусь, Казахстан и США). Метод правового моделирования способствовал разработке проекта новой статьи УК РФ (ст. 39.1) и сопутствующих изменений, которые предлагается внести в законодательство (в ст.ст. 61 и 62 УК РФ).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Содержательное единство задач уголовного закона (ст. 2 УК РФ) и целей оперативно-разыскной деятельности (ст. 1 Закона об ОРД), выражающееся в общей направленности на противодействие преступности и охрану жизни, здоровья, прав, собственности и обеспечение безопасности, служит нормативной основой для легитимации вынужденного участия внедренного лица в деятельности преступных сообществ. Такое единство проявляется и в терминологической корреляции: когда в Законе об ОРД говорится о «подготавливаемом преступлении», то речь, как очевидно, идет о стадии приготовления к преступлению (ч. 1 ст. 30 УК РФ), «совершаемое преступление» – это покушение (ч. 3 ст. 30 УК РФ), «совершённое» – окончательное преступление. Внедренное лицо «вправе участвовать в действиях, охватываемых указанными стадиями, но исключительно в целях выявления, предупреждения, пресечения или раскрытия преступления, а не для его доведения до конца» [8]. Вместе с тем термин «замышляемое преступление», иногда используемый в оперативно-разыскной литературе [8, 9], с точки зрения уголовного права некорректен, поскольку отражает лишь возникновение намерения без каких-либо приготовительных действий. Обнаружение умысла не влечет уголовной ответственности (ч. 2 ст. 30 УК РФ) и не может служить основанием для проведения ОРМ. Следовательно, деятельность внедренного лица всегда должна быть ориентирована на реальные стадии приготовления к преступлению или покушения на его совершение, а не на искусственное формирование умысла у третьих лиц.

Отсутствие умысла у самого внедренного лица обосновывается двумя обстоятельствами. Во-первых, нет совместности действий: внедренное лицо не стремится к достижению общего преступного

результата, а, напротив, принимает меры к его недопущению. Во-вторых, его участие в криминальной деятельности не носит умышленного характера: лицо осознаёт общественную полезность или допустимость своего поведения, что исключает наличие вины. Наиболее приемлемые в данном случае роли – исполнитель (соисполнитель) и пособник. Выполнение организаторских, подстрекательских функций, как правило, недопустимо, поскольку может расцениваться как провокация преступления (ст. 5 Закона об ОРД), то есть склонение лица, не имевшего умысла, к совершению преступления с целью последующего его изобличения [10, с. 69]. В то же время правомерным признаётся склонение участников группы к совершению менее тяжкого преступления (например грабежа вместо разбоя), если это предотвращает наступление более тяжких последствий. Такое склонение не является провокацией, поскольку направлено на уменьшение общественной опасности и не формирует преступного умысла там, где его не было изначально.

Результаты научных исследований показывают, что объектами оперативного внедрения преимущественно становятся групповые образования: «35% – группы лиц по предварительному сговору, более 30% – организованные группы, около 10% – банды и преступные сообщества, 25% – окружение одного лица» [7, с. 159]. Субъектами могут быть как штатные оперативные сотрудники (лица, внедряемые извне), так и конфиденты (лица, уже находящиеся внутри криминальной среды). Исходя из этого, можно сформулировать определение оперативного внедрения: это действия оперативного сотрудника либо конфиденца в криминальной среде, внешне сходные с преступлением, причиняющие правомерный вред и реализуемые в целях выявления, предупреждения, пресечения или раскрытия преступления.

Таким образом, даже при отсутствии в законе развернутых критериев допустимости вынужденного участия внедренного лица в преступной деятельности системное толкование уголовного и оперативно-разыскного законодательства позволяет обосновать правомерность такого участия и констатировать отсутствие у названного лица умысла на совершение преступлений.

Попытка урегулировать вопрос об уголовно-правовом статусе лиц, внедренных в криминальную среду, была предпринята в России еще в 1995 году в рамках проекта Федерального закона «О борьбе с организованной преступностью»¹. Однако законопроект Президентом Российской Федерации в представленной ему на рассмотрение редакции был отклонен. В то же время многие государства (Казахстан, Германия, Канада, США, Италия, Франция, Беларусь, Австралия) накопили значительный опыт правовой регламентации причинения вреда при проведении ОРМ. Его изучение, по нашему мнению, весьма полезно для отечественного законодателя. В зарубежной практике в этой сфере выделяются три основных подхода. Первый (Австралия, Канада, Франция) – осуществление регулирования нормами процессуального

или специального законодательства, сочетающего материальные и процессуальные начала. Например, в австралийском Законе о преступлениях 1914 года (в редакции 2016 года) речь идет о «контролируемом поведении», которое признавалось бы уголовно наказуемым, если не был бы соблюден ряд условий (запрет на причинение смерти, серьезных травм и совершение сексуальных преступлений). Второй подход (Германия, Италия) основан на применении общих норм уголовного закона о крайней необходимости или исполнении обязанности: § 34 УК ФРГ (правомерная крайняя необходимость), ст. 51 УК Италии (осуществление права или исполнение обязанности). Третий подход (Беларусь, Казахстан) предполагает закрепление «специальных обстоятельств, исключающих преступность деяния», непосредственно в уголовных кодексах. Наиболее удачной может быть признана регламентация причинения вреда при проведении ОРМ, закрепленная ст. 35 УК Республики Казахстан («Осуществление оперативных розыскных мероприятий или негласных следственных действий»). Здесь даны четкие критерии правомерности: наличие законных оснований, соразмерность (причиняемый вред должен быть менее значителен, чем вред от правонарушения), вынужденность. Особняком стоит опыт США, где рассматриваемый нами вопрос законодательно не регулируется, а неприкосновенность тайных агентов обеспечивается через отрицание умысла либо доктрину «защиты государственной власти» (public authority defense); границы допустимого поведения фактически определяются ведомственными инструкциями [11, с. 54].

Иной подход сложился в России, где ситуация причинения вреда при оперативном внедрении характеризуется дуалистической природой [12, с. 45]. С одной стороны, это объективное существование угроз охраняемым интересам, подтвержденное фактическими основаниями, перечисленными в п. 2 ч. 1 ст. 7 Закона об ОРД (сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершённого противоправного деяния, а равно о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших) [13, с. 63]. С другой стороны, это вынужденность действий внедренного лица, обусловленная необходимостью сохранения легенды, предотвращения расшифровки и выполнения поставленных задач [14, с. 60]. Вынужденность носит объективный характер и означает, что достижение целей ОРД иными, не связанными с причинением вреда, средствами в конкретной обстановке невозможно или крайне затруднительно. Разграничение вреда по его функциональной роли позволяет выделить вспомогательный вред, обеспечивающий возможность внедрения и сохранения легенды (в том числе приобретение наркотических средств в рамках проверочной закупки, изготовление подложных документов), и сопутствующий вред, неизбежно формирующийся в связи с самим фактом нахождения внутри преступной группы и участия в ее деятельности (например непосредственное пособничество в совершении преступлений).

¹ Проект Федерального закона № 94800648-1 «О борьбе с организованной преступностью» // СПС «КонсультантПлюс».

Существует два вида пределов допустимости вреда, причиняемого при оперативном внедрении, обуславливающих критерии его правомерности. Абсолютные (конкретно-определенные) пределы устанавливают безусловный запрет: ни при каких обстоятельствах не допускаются причинение смерти, тяжкого вреда здоровью, нарушение половой неприкосновенности и половой свободы. Недопустимость причинения смерти невиновному человеку при осуществлении ОРД обосновывается абсолютной ценностью человеческой жизни, закрепленной в Конституции Российской Федерации и международных актах. Даже в ситуации «коллизии жизней» внедренное лицо не вправе умышленно причинять смерть. Исключения составляют лишь случаи необходимой обороны, крайней необходимости или физического принуждения, однако они выходят за рамки собственно оперативного внедрения и должны оцениваться по общим правилам. Относительные (соразмерные) пределы требуют сравнения вреда, который причиняется в ходе оперативного внедрения, с тем вредом, который исходит от выявляемого, предупреждаемого, пресекаемого или раскрываемого преступления [15, с. 61]. Экстремальный характер оперативного внедрения исключает требование точного расчета внедренным лицом баланса вреда. Правомерность определяется соразмерностью: вред не признается преступным, если он не превышает (или незначительно превышает) вред от преступления, для противодействия которому проводится ОРМ. Напротив, явное несоответствие вреда тяжести выявляемого, предупреждаемого, пресекаемого или раскрываемого преступления квалифицируется как превышение пределов допустимого, он влечет за собой уголовную ответственность, но лишь при умышленной форме вины.

Действующее законодательство не содержит нормы, легализующей вынужденное причинение вреда в рамках ОРМ и определяющей критерии его правомерности. В связи с этим, по нашему мнению, существует необходимость закрепления специального обстоятельства, исключającego в подобных случаях преступность деяния. Считаем, что УК РФ целесообразно дополнить новой статьей – 39.1, предусматривающей такое обстоятельство. Расположить ее следует в гл. 8 после статьи о крайней необходимости, поскольку рассматриваемое нами обстоятельство имеет схожую правовую природу.

Кроме того, для системного совершенствования законодательства предлагаем скорректировать перечень смягчающих обстоятельств (п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ), дополнив его указанием на причинение вреда при проведении ОРМ. Это позволит рассма-

тривать нарушение условий правомерности такого вреда в качестве обстоятельства, смягчающего наказание. Стоит также дополнить ст. 62 УК РФ правилом, ограничивающим наказание в случае превышения предела допустимости причинения вреда при проведении ОРМ: его срок или размер, на наш взгляд, не должны быть больше трех четвертей максимального значения, установленного санкцией соответствующей статьи Особенной части УК РФ. Вместе с тем предлагаем отказаться от использования в Законе об ОРД термина «замышляемое преступление», так как он не имеет уголовно-правового значения. Вместо него нужно закрепить положение, обязывающее оперативные подразделения выявлять лиц, выразивших намерение совершить преступление, и проводить с ними индивидуальную профилактическую работу.

Разработанные нами предложения направлены на устранение правовой неопределенности, гармонизацию уголовно-правовых и оперативно-разыскных норм, а также на обеспечение законности при осуществлении оперативного внедрения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты проведенного нами исследования свидетельствуют: неопределенность правового положения лиц, участвующих в оперативном внедрении, вызвана отсутствием в УК РФ специальной нормы, которая признавала бы правомерным вынужденное причинение вреда в ходе ОРМ. Предусмотренная ч. 4 ст. 16 Закона об ОРД возможность освобождения от ответственности носит бланкетный характер и не может служить надежным основанием для оправдания содействующих лиц. При этом обращает на себя внимание тот факт, что обстоятельства, перечисленные в гл. 8 УК РФ, не учитывают в полной мере особенностей оперативного внедрения.

Системное толкование уголовного и оперативно-разыскного законодательства позволило обосновать правомерность вынужденного участия внедренного лица в криминальной деятельности и отсутствие у него преступного умысла. Вместе с тем для устранения правовых коллизий и единообразной правоприменительной практики требуется законодательное закрепление специального обстоятельства, исключającego преступность деяния в случае вынужденного причинения вреда в рамках ОРМ. Реализация сформулированных нами предложений позволит обеспечить законные интересы лиц, осуществляющих оперативное внедрение, повысить эффективность противодействия организованной преступности и укрепить системность правового регулирования в сфере уголовной и оперативно-разыскной политики государства. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеева А.П., Ничуговская О.Н. Киберпреступность: основные черты и формы проявления // Преступность в сфере информационных и телекоммуникационных технологий: проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений. 2017. № 1. С. 27-34.
2. Алексеева А.П. Цифровизация наркопреступлений и меры противодействия им // Межведомственный научно-практический Петербургский оперативно-розыскной форум: Материалы научно-практической конференции. СПб: СПбУ МВД России, 2025. С. 16-19.

3. Глубоковских Р.В., Гринева Д.А. Характеристика оперативно-разыскного инструментария при раскрытии хищения денежных средств с банковских счетов // XIII Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2025. С. 25-27.
4. Поляков А.В. Разделение оперативно-разыскной, разведывательной и контрразведывательной деятельности. Так ли это необходимо? // XIII Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2025. С. 45-46.
5. Случевская Ю.А. Критерии криминализации деяний, причиняющих вред окружающей среде // Общественная опасность в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии: Материалы XIV Российского конгресса уголовного права. М.: Юрлитинформ, 2024. С. 410-413.
6. Алексеева А.П., Анисимова Т.В., Третьяков Ю.В. Законодательные инициативы в сфере расширения пределов необходимой обороны жилища: проблемы и перспективы // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: Материалы всероссийской научно-практической конференции. СПб: СПбУ МВД России, 2022. С. 14-16.
7. Шкабин Г.С. Уголовно-правовое обеспечение оперативного внедрения: Монография. М.: Юриспруденция, 2025. 270 с.
8. Горковенко И.А. Перспективы оперативно-розыскного предупреждения преступлений, совершаемых несовершеннолетними // Оперативно-розыскная деятельность: актуальные вопросы теории и практики: Сборник научных трудов всероссийской научно-практической конференции. Ростов-на-Дону: Ростовский ЮИ МВД России, 2025. С. 41-47.
9. Герасимов А.В., Поляков А.В. Психологические особенности оперативно-розыскного обеспечения проведения отдельных следственных действий // VIII Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2020. С. 144-146.
10. Поляков А.В., Герасимов А.В. Оперативная комбинация: провокация или нет? // IX Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2021. С. 68-70.
11. Мишугис-Бекер Г.С. Институт освобождения от уголовной ответственности в зарубежных странах // Российский следователь. 2024. № 5. С. 52-56.
12. Попов С.В. Формы содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность // Актуальные проблемы современного российского государства и права: Материалы всероссийской научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2025. С. 45-48.
13. Горковенко И.А. Отдельные аспекты противодействия преступности несовершеннолетних оперативно-розыскными мерами // Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: Материалы всероссийской научно-практической конференции. Краснодар: КрУ МВД России, 2025. С. 63-66.
14. Герасимов А.В., Поляков А.В. К вопросу информационного воздействия на объекты оперативной заинтересованности // X Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2022. С. 60-61.
15. Курнавин С.С., Шарун В.В. Выявление и розыск преступников по малозаметным признакам, словесному портрету и приметам // IX Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. Калининград: КФ СПбУ МВД России, 2021. С. 60-61.

REFERENCES

1. Alekseyeva A.P., Nichugovskaya O.N. Kiberprestupnost': osnovnyye cherty i formy proyavleniya // Prestupnost' v sfere informatsionnykh i telekommunikatsionnykh tekhnologiy: problemy preduprezhdeniya, raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy. 2017. № 1. S. 27-34.
2. Alekseyeva A.P. Tsifrovizatsiya narkoprestupleniy i mery protivodeystviya im // Mezhhvedomstvennyy nauchno-prakticheskiy Peterburgskiy operativno-rozysknoy forum: Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb: SPbU MVD Rossii, 2025. S. 16-19.
3. Glubokovskikh R.V., Grineva D.A. Kharakteristika operativno-razysknogo instrumentariya pri raskrytii khishcheniya denezhnykh sredstv s bankovskikh schetov // XIII Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2025. S. 25-27.
4. Polyakov A.V. Razdeleniye operativno-razysknoy, razvedyvatel'noy i kontrrazvedyvatel'noy deyatel'nostey. Tak li eto neobkhodimo? // XIII Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2025. S. 45-46.
5. Sluchevskaya Yu.A. Kriterii kriminalizatsii deyaniy, prichinyayushchikh vred okruzhayushchey srede // Obshchestvennaya opasnost' v ugovnom, ugovno-ispolnitel'nom prave i kriminologii: Materialy XIV Rossiyskogo kongressa ugovnogo prava. M.: Yurlitinform, 2024. S. 410-413.

6. Alekseyeva A.P., Anisimova T.V., Tret'yakov Yu.V. Zakonodatel'nyye initsiativy v sfere rasshireniya predelov neobkhodimoy oborony zhilishcha: problemy i perspektivy // Ugolovnoye zakonodatel'stvo: vchera, segodnya, zavtra: Materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb: SPbU MVD Rossii, 2022. S. 14-16.

7. Shkabin G.S. Ugolovno-pravovoye obespecheniye operativnogo vnedreniya: Monografiya. M.: Yurisprudentsiya, 2025. 270 c.

8. Gorkovenko I.A. Perspektivy operativno-rozysknogo preduprezhdeniya prestupleniy, sovershayemykh nesovershennoletnimi // Operativno-rozysknaya deyatel'nost': aktual'nyye voprosy teorii i praktiki: Sbornik nauchnykh trudov vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Rostov-na-Donu: Rostovskiy YUI MVD Rossii, 2025. S. 41-47.

9. Gerasimov A.V., Polyakov A.V. Psikhologicheskiye osobennosti operativno-rozysknogo obespecheniya provedeniya otdel'nykh sledstvennykh deystviy // VIII Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2020. S. 144-146.

10. Polyakov A.V., Gerasimov A.V. Operativnaya kombinatsiya: provokatsiya ili net? // IX Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2021. S. 68-70.

11. Mishugis-Beker G.S. Institut osvobozhdeniya ot ugolovnoy otvetstvennosti v zarubezhnykh stranakh // Rossiyskiy sledovatel'. 2024. № 5. S. 52-56.

12. Popov S.V. Formy sodeystviya grazhdan organam, osushchestvlyayushchim operativno-rozysknuyu deyatel'nost' // Aktual'nyye problemy sovremennogo rossiyskogo gosudarstva i prava: Materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2025. S. 45-48.

13. Gorkovenko I.A. Otdel'nyye aspekty protivodeystviya prestupnosti nesovershennoletnikh operativno-rozysknymi merami // Aktual'nyye problemy teorii i praktiki operativno-rozysknoy deyatel'nosti: Materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Krasnodar: KrU MVD Rossii, 2025. S. 63-66.

14. Gerasimov A.V., Polyakov A.V. K voprosu informatsionnogo vozdeystviya na ob'yekty operativnoy zainteresovannosti // KH Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2022. S. 60-61.

15. Kurnavin S.S., Sharun V.V. Vyyavleniye i rozysk prestupnikov po malozametnym priznakam, slovesnomu portretu i primetam // IX Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii»: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kaliningrad: KF SPbU MVD Rossii, 2021. S. 60-61.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© Попов С.В., Кайргалиев Д.В., 2026.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Попов С.В., Кайргалиев Д.В. Правомерный вред при оперативном внедрении: от межотраслевой коллизии к законодательному решению // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 2 (84). С. 30-36.